

Но и нельзя винить их за столь быструю перемену. В конце концов, у кого из них хватило бы смелости сначала ударить Сяо Ежана, а затем кричать на него? Тот, кто осмелился бы на такое, вероятно, уже сейчас играл бы в шахматы и пил чай с Янь-ваном, правителем загробного мира.

Поэтому, видя такую смелость Ань Хунхуэя, все решили, что отныне их мнение о нём изменится. Он больше не тот, кто при виде Сяо Ежана превращался в мышку перед кошкой. Теперь он официально из мышки превратился в тигра. Ведь разве не видно, как Сяо Ежань, оглушённый его криками, послушно кивает?

Хотя все понимали, что такое поведение Сяо Ежана во многом связано с тем, что он был пьян, всё равно наблюдавшие за этим не могли сдержать желания ударить его. Вопрос лишь в том, вспомнит ли он об этом на следующий день и не начнёт ли сводить счёты.

Но случай упускать нельзя!

Хотя все так думали, смелости подойти и действовать у них всё же не хватило. Они могли только продолжать восхищённо наблюдать, как Ань Хунхуэй проявляет свою храбрость.

Сначала они не понимали, зачем Ань Хунхуэй задавал Сяо Ежаню такие вопросы. Разве не проще было сразу спросить последний? Но постепенно они осознали, что Ань Хунхуэй постепенно подводил Сяо Ежана к пониманию.

Если бы он сразу задал третий вопрос, проблема была бы решена, но это решило бы только текущую ситуацию. В следующий раз, столкнувшись с подобным, всё могло бы повториться, и даже в более худшем варианте.

Но задавая вопросы в такой последовательности, Ань Хунхуэй давал Сяо Ежаню понять: «Неважно, женат ли Лу Сяонин или любит ли он меня, я не позволю другому мужчине забрать его», «Даже если Лу Сяонин не любит меня, я заставлю его полюбить меня и заберу его». И тогда ситуация становилась совершенно иной.

— Сяо Ежань, хотя я не знаю, как ты узнал, что у Лу Сяонина есть кто-то, но выслушай меня внимательно: Лу Сяонин не женат, а значит, у тебя есть шанс. Если ты действительно любишь Лу Сяонина, тогда иди и заведи его, честно сразись со своим соперником, дай ему понять, что именно ты лучше всего подходишь Лу Сяонину, и заставь его отступить. Мы, твои братья, поддержим тебя. Если что-то понадобится — скажи слово, мы готовы на всё!

Ань Хунхуэй говорил с Сяо Ежанем, отчеканивая каждое слово. Его строгое и красивое лицо заставило остальных троих чуть было не упасть на колени в благоговении.

Боже, только сегодня они узнали, что у Ань Хунхуэя есть такая сторона.

С этого момента их мнение о нём полностью изменилось.

Не только Линь Циюй и остальные, но и сам Сяо Ежань был поражён словами Ань Хунхуэя, лишь послушно кивая. Однако, обдумав всё в голове, он понял, что слова Ань Хунхуэя действительно имели смысл.

Раз он любит Лу Сяонина, а тот не женат, значит, у него есть право завоевать его. Тем более, Лу Сяонин не говорил прямо, что любит Лин И, не так ли?

Даже если Лу Сяонин действительно любит Лин И, пока они не поженились, у него есть шанс

забрать его и заставить полюбить себя! Он не мог понять, что за глупая мысль пришла ему в голову, заставившая опустить руки. Он даже сам себя начал презирать.

Слова Ань Хунхуэя стали для Сяо Ежаня настоящим откровением, вернув ему уверенность и прежнюю непоколебимость.

Сяо Ежань был бесконечно благодарен Ань Хунхуэю. Он пристально смотрел на него, желая выразить свою благодарность, но, никогда раньше не делая этого, он немного смутился. Он лишь продолжал смотреть на Ань Хунхуэя, надеясь, что братская связь поможет тому понять его чувства.

Однако, надо сказать, что в этот момент братская связь была лишь иллюзией. Ань Хунхуэй, высказав всё под влиянием эмоций, уже начал сожалеть об этом. Видя, как Сяо Ежань пристально смотрит на него, он почувствовал холодок на спине, а на лбу выступил пот. Он хотел что-то сказать, чтобы исправить свою ошибку, но Сяо Ежань опередил его.

— Я понял, я буду добиваться Сяонина и обязательно сделаю его своим!

Сяо Ежань не знал, обращается ли он к Ань Хунхуэю или к самому себе.

— Хунхуэй, ты просто потрясающий. Никогда бы не подумал, что у тебя есть такая сторона. Раньше я тебя недооценивал, — первым подошёл Шэнь Яоци, похлопав Ань Хунхуэя по плечу, выражая своё восхищение.

— Вот это да... Ты действительно заставил меня взглянуть на тебя по-новому, — не удержался Хуа Цзюньхао.

— Хунхуэй, ты сегодня спас Ежаня. Молодец, молодец, — Линь Циюй даже поднял большой палец в знак одобрения.

Однако, кто бы знал, что творилось в душе Ань Хунхуэя? Он уже понял, что действовал под влиянием импульса, но теперь у него даже не было шанса исправить ситуацию. Хотя сейчас Сяо Ежань, казалось, был ему благодарен, он знал, что это лишь из-за алкоголя. Когда тот протрезвеет, всё может обернуться против него. Ведь он не просто кричал на Сяо Ежаня, но и ударил его.

Теперь Ань Хунхуэй готов был убить себя за свою импульсивность. Вот что значит действовать сгоряча. Теперь он боялся.

— Ежань, это... я не нарочно, я не хотел этого, — Ань Хунхуэй говорил дрожащим голосом, а тело его немного тряслось.

Остальные смотрели на него с недоумением, не понимая, что он пытается сказать.

— Мм?

Сяо Ежань наклонил голову и посмотрел на Ань Хунхуэя, явно не понимая, о чём он.

Увидев это, Ань Хунхуэй вдруг осенило, и он быстро заговорил:

— Ежань, ведь сегодня я тебя вдохновил, правда? Помог понять, насколько важен для тебя Лу Сяонин, верно?

— Да, спасибо тебе, — Сяо Ежань согласился, уже слегка заплетающимся языком.

— Ну, благодарности не нужно, мы же свои люди, правда? Но, понимаешь, сегодня я тебе помог, но и ударил тоже, так что давай считать, что мы квиты. Ты потом не будешь на меня обижаться и не станешь сводить счёты, ладно?

Ань Хунхуэй осторожно подбирал слова, говоря с опаской.

Услышав это, остальные трое сразу же помрачнели, их взгляды наполнились презрением.

Чёрт возьми, они вдруг осознали, что их восхищение Ань Хунхуэем было глупостью. Как говорится, горы могут сдвинуться, но природа человека неизменна. Они всегда знали, что Ань Хунхуэй по натуре трусоват, и вдруг он стал таким смелым? Оказалось, всё это было лишь порывом. Теперь, когда он остыл, он снова стал слабаком! Трусом! Бойся! И где это было раньше?

Презрение на высшем уровне!

Чёрт, верните наши чувства обратно!

Ань Хунхуэя не волновало их презрение. Главное — сохранить свою жизнь, а если ради этого придётся потерпеть пару презрительных взглядов, так и быть. Тем более, они сами не лучше. У него хотя бы хватило смелости ударить Сяо Ежана, а эти даже на это не осмелились. Так что это он должен их презирать, а не наоборот.

— Да, верно, я не виню тебя, но спасибо всё равно нужно сказать.

Голова Сяо Ежана уже была не совсем ясна, но настроение у него было неплохое.

Получив обещание Сяо Ежана, Ань Хунхуэй наконец успокоился. Боясь, что тот потом передумает, он даже привлёк Линь Циюя и остальных.

— Вы всё слышали, да? Ежань сказал, что не будет на меня обижаться. Вы будете свидетелями, — торопливо сказал Ань Хунхуэй.

Линь Циюй, Шэнь Яоци и Хуа Цзюньхао синхронно закатили глаза. Чёрт, ну и идиот!

— Мм...

Низкий стон раздался из центра огромной кровати, где одеяло образовало горку. Затем из-под него появилась длинная и сильная рука, за которой последовала рука с красивыми мышечными очертаниями.

Ладонь мягко прижалась к виску. Сяо Ежань чувствовал, будто его голова вот-вот взорвётся. Сколько времени прошло с тех пор, как он в последний раз был пьян? Но последствия алкоголя всё так же мучительны.

...Я разделительная линия пьяного Сяо Ежана...